

Тупейный художник — эпизод 4 из 9

Граф велел выгнать городских цирюльников по шеям, а они и рады, что на волю вырвались, а сам приезжает к старшему брату и говорит:

Так и так, брат, я к тебе с большой моей просьбой: отпусти мне перед вечером твоего Аркашку, чтобы он меня как следует в хорошее положение привел. Я давно не брился, а здешние цирюльники не умеют.

Граф отвечает брату:

Здешние цирюльники, разумеется, гадость. Я даже не знал, что они здесь и есть, потому что у меня и собак свои стригут. А что до твоей просьбы, то ты просишь у меня невозможности, потому что я клятву дал, что Аркашка, пока я жив, никого, кроме меня, убирать не будет. Как ты думаешь разве я могу мое же слово перед моим рабом переменить?

Тот говорит:

А почему нет: ты постановил, ты и отменишь.

А граф-хозяин отвечает, что для него этакое суждение даже странно.

После того, говорит, если я сам так поступать начну, то что же я от людей могу требовать? Аркашке сказано, что я так положил, и все это знают, и за то ему содержание всех лучше, а если он когда дерзнет и до кого-нибудь, кроме меня, с своим искусством тронется, я его запорю и в солдаты отдам.

Брат и говорит:

Что-нибудь одно: или запорешь, или в солдаты отдашь, а водвою вместе это не сделаешь.

Хорошо, говорит граф, пусть по-твоему: не запорю до смерти, то до полусмерти, а потом сдам.

И это, говорит, последнее твое слово, брат?

Да, последнее.

И в этом только все дело?

Да, в этом.

Ну, в таком разе и прекрасно, а то я думал, что тебе свой брат дешевле крепостного холопа. Так ты слова своего и не меняй, а пришли Аркашку ко мне моего пуделя остричь. А там уже мое дело, что он сделает.

Графу неловко было от этого отказаться.

Хорошо, говорит, пуделя остричь я его пришлю.

Ну, мне только и надо.

Пожал графу руку и уехал.

А было это время перед вечером, в сумерки, зимою, когда огни зажигают.

Граф призвал Аркадия и говорит:

Ступай к моему брату в его дом и остриги у него его пуделя.

Аркадий спрашивает:

Только ли будет всего приказания?

Ничего больше, говорит граф, но поскорей возвращайся актрис убирать. Люба нынче в трех положениях должна быть убрана, а после театра представь мне ее святой Цецилией.

Аркадий Ильич пошатнулся.

Граф говорит:

Что это с тобой?

А Аркадий отвечает:

Виноват, на ковре оступился.

Граф намекнул:

Смотри, к добру ли это?

А у Аркадия на душе такое сделалось, что ему все равно, быть добру или худу. Услыхал, что меня велено Цецилией убирать, и, словно ничего не видя и не слыша, взял свой прибор в кожаной шкатулке и пошел.

Приходит к графову брату, а у того уже у зеркала свечи зажжены и опять два пистолета рядом, да тут же уже не два золотых, а десять, и пистолеты набиты не пустым выстрелом, а черкесскими пулями.

Графов брат говорит:

Пуделя у меня никакого нет, а вот мне что нужно: сделай мне туалет в самой отважной mine, и получай десять золотых, а если обрежешь, убью.

Аркадий посмотрел, посмотрел и вдруг, господь его знает, что с ним сделалось, стал графова брата и стричь и брить. В одну минуту сделал все в лучшем виде, золото в карман ссыпал и говорит:

Прощайте.

Тот отвечает:

Иди, но только я хотел бы знать: отчего такая отчаянная твоя голова, что ты на это решился?

А Аркадий говорит:

Отчего я решился это знает только моя грудь да подоплека.

Или, может быть, ты от пули заговорен, что и пистолетов не боишься?

Пистолеты это пустяки, отвечает Аркадий, об них я и не думал.

Как же так? Неужели ты смел думать, что твоего графа слово тверже моего и я в тебя за порез не выстрелю? Если на тебе заговора нет, ты бы жизнь кончил.

Аркадий, как ему графа напоянули, опять вздрогнул и точно в полуснях

проговорил:

Заговора на мне нет, а есть во мне смысл от бога: пока бы ты руку с пистолетом стал поднимать, чтобы в меня выстрелить, я бы прежде тебе бритвою все горло перерезал.

И с тем бросился вон и пришел в театр как раз в свое время и стал меня убирать, а сам весь трясется. И как завьет мне один локон и пригнется, чтобы губами отдувать, так все одно шепчет:

Не бойся, увезу.